

вашу», когда хочется сказать совсем другое – и сделать так, чтобы все поняли.

Смерть по-еврейски, жизнь по-русски

Его брак с княжной Родам, его одиночество, его мягкая точность – всё это обретает кристалл в той фразе, которую он бросил в лицо юному хаму в ЦДЛ:

«Она любит петь грузинские песни. И хором. А я — еврейские. И один.»

Ничего не объясняя, он объяснил всё. И страну, и язык, и одиночество, и брак, и невозможность длительной гармонии. Язык как происхождение

Он никогда не стеснялся своего «смешного языка». Он пел им, как птица поёт сломанным крылом. В стихах — самоирония, как способ не умереть от стыда за несовершенство:

Я ведь не профессор МГУ. Я всего лишь скромный сын Бердичева...

Это не жалоба. Это почти гордость, просто проговорённая другим тоном. Еврейская бедность, превращённая в метафору хлеба – купленного на первый гонорар, разделённого между родными как ритуальная маца.

Война без аллегорий

Он не писал о войне метафорами. Он воевал. Брал в плен четырёх немцев. Был там, где реальность слишком остра, чтобы её можно было превратить в аллегорию. Там поэт молчит, а говорит земля.

Проклятие успеха

«Гренада» сделала его великим – и заперла в себе. Цветаева говорила: «У Есенина ни одного такого не было». Но что с того? Он продолжал писать, словно выписываясь из собственной тени. Каждое новое стихотворение – это попытка доказать себе, что он не только “Гренада”, но и человек.

«Когда я хочу прочитать хорошее стихотворение, я сажусь и пишу его».

В этом – ни капли самодовольства. Только усталость человека, который больше не может полагаться ни на кого, кроме себя. Эпилог

Он умер под именем Михаил Светлов. Но был – и остался – Мотлом Шейнкманом. Не как паспортный факт, а как фигура речи, в которой сжаты парадоксы века: имя и псевдоним, свет и тень, поэт и наёмник эпохи.

В своём дневнике Владимир Огнев записал: «Старик, а что такое бутылка? Одна капля. Только большая.»

Вот и Светлов – не океан. А капля, в которой растворилась эпоха. Только большая.

Портной Изя и его философия пуговиц

Познакомился я с портным Изей Наумовичем при весьма курьёзных обстоятельствах. Сажу я в трамвае, читаю газету “Правда”, а напротив меня господин средних лет пришивает пуговицу к собственному пиджаку. Прямо в трамвае! Иголка у него такая, что хоть гвозди забивай, а нитки – будто канат для буксира.

– Простите, – обращаюсь к нему, – а не проще ли дома заниматься портняжным делом?

– Молодой человек, – отвечает он, не поднимая глаз от работы, – время – деньги, а деньги – время. Пока я доеду до дома, потеряю полчаса. А за полчаса можно пришить три пуговицы, заштопать дыру в локте и ещё подумать о смысле жизни.

– О смысле жизни?

– А как же! Вот смотрите: пуговица – это философия. Она держит весь костюм, но сама крошечная. Без неё человек превращается в дикаря, который ходит, придерживая одежду руками. Целая цивилизация держится на пуговицах!

Так началось моё знакомство с Изей Наумовичем Пуговкиным – ибо такова была его фамилия, что казалось предначертанным свыше.

– Ну что вы хотите, с такой фамилией – сам Господь велел мне шить... – смеялся он однажды, распарывая подкладку.

В его мастерской на Сретенке творились чудеса. Изя не просто шил – он философствовал над каждым стежком. Клиенты приходили не только за костюмами, но и за житейской мудростью.

– Вы знаете, – говорил он, отпаривая брюки, – почему люди носят галстуки? Это петля цивилизации! Человек добровольно надевает на шею удавку, чтобы показать: я культурный, я готов принести комфорт в жертву приличиям.

Заходит к нему как-то толстый купец, заказывает фрак:

– Мне нужно, чтобы я в нём выглядел стройным.

– Голубчик, – отвечает Изя, – я портной, а не волшебник. Хотите выглядеть стройным – меньше ешьте. А я могу только сделать так, чтобы ваша полнота выглядела солидно. Есть разница между толстым бедняком и толстым богачом. У бедняка – просто живот, а у богача – респектабельное брюшко.

– Я не могу сделать вас стройным, но могу сделать вашу полноту выразительной. Стройность – это анатомия, а солидность – это фасон.

Приходит молодая девушка, просит ушить платье:

– Изя Наумович, сделайте так, чтобы я казалась взрослее.

– Дитя моё, – философствует он, примеряя, – одежда не делает человека старше, она делает его увереннее. А уверенность – это и есть взрослость. Носите это платье так, будто оно стоит тысячу рублей, и все подумают, что вам уже тридцать.

Но самое удивительное было в том, как Изя работал с пуговицами. У него была целая система:

– Металлические пуговицы – для людей с твёрдым характером. Перламутровые – для мечтателей. Деревянные – для тех, кто любит природу. А пластмассовые... – он презрительно морщился, – пластмассовые для тех, кто не понимает красоты. Я даже думаю иногда, что если бы каждому младенцу на рождение давали не свидетельство, а пуговицу, люди бы росли более ответственными.

Однажды приносят ему старый офицерский мундир царских времён – пришить новые пуговицы.

– Знаете что, – говорит Изя, рассматривая золотые пуговицы с двуглавым орлом, – эти пуговицы видели больше, чем мы с

вами. Они помнят парады, балы, может быть, даже войны. Как я могу их заменить на обычные? Это же история!

И он отреставрировал старые пуговицы, отполировал их так, что они засияли как новые. Офицер был в восторге, а Изя сказал: – Пуговица – это не просто застёжка. Это связь времён. Через пуговицы мы связаны с нашими предками и потомками.

Проходят годы, НЭП заканчивается, начинается индустриализация. Изю вызывают в артель, предлагают работать по новым стандартам – всё одинаковое, массовое, без излишеств. – Товарищи, – говорит он на собрании, – вы хотите, чтобы все люди выглядели одинаково? Но тогда пропадёт индивидуальность! Человек без индивидуальности – что пуговица без петли: вроде бы есть, а толку никакого.

Его не поняли. Сказали: “Старые предрассудки, мелкобуржуазность”. Изя только вздохнул:

– Что ж, будем шить одинаковые костюмы с одинаковыми пуговицами. Но помните: когда все будут одинаковыми, самой красивой станет та пуговица, которая чем-то отличается от других. Последний раз я видел Изю в 1937 году. Он уже работал на большой фабрике, шил военные гимнастёрки. Но в глазах у него всё ещё горел тот же огонёк.

– Знаете, – сказал он мне тихо, – даже на военной гимнастёрке пуговицы можно пришить с душой. Солдат пойдёт воевать, а пуговицы будут держать его форму. Как будто сам дом держит его за грудь: не бойся, держись. Может быть, от этого зависит его удача в бою.

Война унесла многих. Не знаю, что стало с Изей Наумовичем. Но каждый раз, когда пришиваю пуговицу, вспоминаю его слова о том, что мелочи держат мир. И думаю: а может, он был прав? Может, действительно вся цивилизация держится на пуговицах – маленьких, незаметных, но абсолютно необходимых?

М. ВОРОНОВ

Июль. Утренние зарисовки

Почти рассвет...
Ворон ворчанье.
Чуть слышу я своё дыханье.
Настенный циферблат –
Уже четыре.
Вдыхаю кофе аромат
Я снова в этом мире.

Неловкая попытка
Вспомнить сны,
Что мучили всю ночь
Туманны, призрачны картины...
Ну, хватит, всё!
Подите прочь!
На кухне звуки, суета:
То топот запоздавших тараканов,

Стук гулкий о стекло
Недосмотревшей мухи снов.
Всем по углам!
Разборки, всё потом!

Скорей, скорей оставить
Квартиры душный кокон.
Там, за окном,
Уж солнце поднялось.
Мне в лес бежать пора,
Где жизни начинается игра.

Подвижной ртутью в трав розетках
Колышутся росинки,
Луч солнца отразился в их слезинках.
Крапивной свежести приправа,
Тягучий трав медовый аромат,
Жасмина оставляя бриз, вдруг, невпопад.

Зазывный свист стрижей
Раздвинет синевы небесной плоть.
Они в краях родных примета лета,
Как голубика иль морошка где-то.
И непременный звон синиц,
Ну как без них, весёлых птиц.

День начался!
От свежих запахов и света
Главы лишь лёгкое круженье
И беспричинное душе веселье
Свежешний снова дарит нам.
Но что же я ему отдам.

Утро в Олюденизе

Уже давно не слышен звон цикад
Дурмана растворился сладкий аромат
Ночь уткнула в росу...
И долгожданною прохладой
Рассвет подвинул духоту.

Призывов муэдзина монотонных не стеснясь
Хор переливистых скворцов
Разбавит горлиц нежное журчанье
И хриплых криков
Растревоженных желудком петухов.

Сиреневых акаций волны оживают
Граната там и тут цветы
Кораллами горят.
Стремителен полёт пытливых соек.
Они пока молчат...